

Виталий Павлов

МОСКОВСКИЙ 222

2

Виталий Павлов
Московский 222-2

«Автор»

2013

Павлов В. Н.

Московский 222-2 / В. Н. Павлов — «Автор», 2013

Книга-финалист международного конкурса «Лучшая Книга года».
Прохладным апрельским днем в Питере, выполняя клятву, идут двое друзей по Московскому проспекту, знакомому и загадочному, привычному и таинственному. Что и кто встретится им? Дом Советов и эМо-светофор, классическая библиотека и экстравагантный бар «Ни-Ни». Пираты, неблагодатный трамвай №45 и неожиданный сторож-спаситель. И сумеют ли они завершить такой простой на первый взгляд маршрут? Им нельзя направо, им нельзя налево, им надо вперед...

© Павлов В. Н., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Московский 222-2	5
Предисловие ко второму изданию	6
Глава вступительная	7
Глава 222	8
Глава 220	10
Глава неопределенная, где-то между 216 и 212	11
Глава 195	12
Мимоходом главы 212	13
Глава 206	15
Глава 204-190	17
Глава 165 – 2	18
Глава Тортуга	20
Глава 186	22
Глава 29-45-49 (в ожидании трамваев)	24
Глава 45 (в ожидании приближающегося трамвая)	26
Глава 137	27
Глава 129 – 125, набирая скорость	29
В темных недрах главы 5 в кубе	30
Глава Триумфальная	32
Глава 85	34
Глава 79 А	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виталий Павлов

Московский 222-2

Московский 222-2

Повесть-дракон о 22 главах-головах

Предисловие ко второму изданию

Уважаемые читатели! Я счел своим долгом написать эти строки, несмотря на то, что к первому изданию повести никакого предисловия не наблюдалось и в помине. Данное решение было продиктовано двумя немаловажными обстоятельствами.

Во-первых, глава **204-190**, созданная, согласно устной договоренности, не мной, а моим приятелем, вызвала многочисленные вопросы у детей и граждан преклонного возраста, воспитанных в суровое советское время. Поэтому, дабы оставить всё повествование в допустимых этических рамках, мне пришлось переделать эту главу и сократить ее настолько, насколько было возможно. В результате от нескольких страниц крайне живописного текста, осталось всего семь слов, и я знаю лишь одно литературное произведение, где есть глава еще короче.

Во-вторых, нам рассказывали, что один из экземпляров первого издания попал в кресло Главы администрации Московского района, летевшего из Санкт-Петербурга в отпуск на Канарские острова. Дорога была дальней, видимо поэтому наша скромная история так его впечатлила, что он распорядился, заручившись поддержкой своего начальства, заказать медные таблички-указатели, намереваясь установить их кое-где на Московском проспекте и вокруг него. А именно, в наиболее примечательных, с его точки зрения, местах нашей прогулки. Но, власть в городе поменялась, и сей просвещенный и инициативный руководитель покинул свой пост. Таким образом, его светлая и очень лестная для нас идея в реальности осталась невоплощенной.

Зато, решив однажды повторить наше путешествие, вы точно не столкнетесь с толпами паломников и туристов. А если возьмете с собой данный печатный или, как это сейчас модно, электронный экземпляр, то и таблички не понадобятся.

Автор

Глава вступительная

*Всем тем, кто хоть однажды
останавливался на Московском проспекте...*

По невесомым паутинкам легкого дождя, окутавшего утренний город, по разноцветным от радужных бензиновых пятен лужам, вдоль черных, как смоль, газонов, сверкающих лишь белесыми клочками осенних газет, мимо высокого, слепящего голубизной весеннего неба, двенадцатого апреля, в День космонавтики, шел я, как Юрий Гагарин, высокий и стройный... шел к своему другу Генри.

Телефон разбудил меня сегодня необычно рано для субботы – около десяти. Жалостливая мелодия старого домашнего аппарата, редко звучащего в эпоху господства мобильной связи, успела пропеть почти до последних нот, когда я соизволил встать. Признаюсь вам, что вообще-то я жаворонок, просто именно прошлой ночью мне пришлось изрядно потрудиться. А когда ложишься спать ближе к восьми утра, так быстро подняться совсем непросто. Голова спросонья слегка гудела, тем не менее, на звонок я ответил.

– Алле, – сказал я, зевая в трубку.

– Дрон, ты чего мобилу не берешь? – забасил угрюмо в ухо голос моего друга Генри, или Генриха, или Геннадия, если верить скучным паспортным данным.

Я бросил взгляд на мобильник, сиротливо лежащий на тумбочке вместе со связкой домашних ключей, и потыкал в него пальцем. Экран остался безнадежно тусклым.

– Сел телефон, – объяснил я в трубку. – А что за срочность-то, Генри?

– У меня проблемы, – печально произнес мой друг. – Я с Машкой поцапался. Хлопнул дверью и из дома ушел.

Это меня не удивило. Гена и Мария существовали в законном браке уже четыре года. И, согласно сформулированному каким-то башковитым мозговедом правилу, год назад у них должна была начаться полоса первого семейного кризиса, обычно бурного, как девятибалльный шторм. Но, то ли кризис в стране способствовал большому сплочению молодых семей, то ли их случай попал в разряд исключений из правил, но мелкие стычки, как и у всех, случались у них постоянно, а вот до крупных разногласий как-то не доходило.

– Поцапались – помириться, – философски заметил я. – Я-то здесь причем? Прервал мне, понимаешь, такой сон! Мне снилось, будто я – актер, моя партнерша – Ума Турман, а режиссер мой – Тарантино. И мы в Лас-Вегасе на съемках, и...

– Дрон, короче, я тебя жду, приходи.

Невежливый Генри.

– Куда приходиться-то, Гена, если ты из дома ушел, как колобок в той сказке? – сказал я и зевнул еще раз, медленно и тягуче.

– Гастроном знаешь? Самый ближний, если к площади.

– Ну... знаю, – неуверенно произнес я. – Есть такой магазин в «Московском» универмаге, рядом с высотками. А ты что, там подсобку под жилье снял?

– Приходи, Андрюха, – взмолился мой друг. – Приходи, все объясню. Очень надо. Уже полчаса тебе названиваю.

– Ладно, – говорю. – Сейчас приду, только оденусь по-быстрому.

Я на минутку поставил на зарядку телефон, торопливо собрался, понадеявшись на теплую погоду и короткое путешествие, накинул на майку лишь легкую спортивную куртку, затем подумав, взял документы и все деньги, какие были в доме. Поскольку отпуск подходил к концу, финансовых средств оставалось совсем немного. В подъезде меня настиг еще один звонок. Тоже важный, также связанный с просьбой. Не откликнуться я не мог.

Глава 222

Район, в котором я обитал, считался престижным и весьма уютным. Летом (мое любимое время года) все здесь наполнялось пышной дикорастущей зеленью. Иногда, петляя между домами, вытянутыми пятиэтажными хрущевками, можно было оказаться в настоящих зарослях из кустов, лебеды, репейника и крапивы. Мне нравилось жить здесь, в затерянном, местами диком оазисе посреди большого города, всего в пятнадцати минутах неспешной ходьбы от метро и Московского проспекта.

Московский, 222 – такой адрес назвал Генри. Самый конец проспекта. Рядом – большая площадь с огромными скульптурами – монументом защитникам Ленинграда. Дом № 222 – это, по нынешним меркам, небольшой, построенный еще в конце 60-х годов торговый центр. Где в данный момент мирно сосуществовали продуктовый универмаг с неоправданно завышенными ценами, пара невзрачных кафе, несколько лавочек, предлагающих разнообразные услуги: от химчистки до ремонта часов, а также магазин сумок и кожгалантереи в вытянутой двухэтажной пристройке слева.

Генкину машину я заметил сразу. Японская иномарка оранжевого цвета подчеркивала своей редкостной окраской все своеобразие творческой природы моего приятеля. Увидев меня, Генка сначала высунул из окна голову, громко свистнул, привлекая мое внимание, а затем и сам вылез мне навстречу, подавая широкую крепкую руку. Он был необычно одет сегодня – необычно даже для автомобильной прогулки. И если длинные серые трусы, украшенные орнаментом из желтых ромашек, еще кое-как могли сойти за шорты, то бежевая пижамная кофта с кружевными рюшечками выглядела смешно и совсем не к месту.

– Привет, – сказал я строгим голосом. – Ты что, забыл переодеться после сна? Выглядишь как колхозник. Или еще хуже. А на ногах что? Тапки?

– Я не мог там оставаться, – торопливо признался Генка, оглядывая себя с ног до головы. – Понимаешь? Не мог! Как повздорили утром, как она мне сказала, что я к ней отношусь хуже, чем к горгулье, так сразу и ушел. В чем был. Только ключи от машины, паспорт да бумажник схватил.

– Ну и чего дальше? – спросил я. – Куда поедем? В магазин – тебе одежду покупать? А потом ко мне?

– Нет, – сказал Генка с необычайной твердостью. – На машине нельзя. И к тебе нельзя. Только по Московскому проспекту и только пешком. Я своей супруге в разгаре ссоры клятву дал, что пройду пешком весь Московский. Отсюда, от площади, до самого, до начала. Не возвращаясь, и не сворачивая.

Скажу вам откровенно, меня это позабавило. Генка почти никогда пешком не ходил, все время за рулем. Даже до мусорки, что в соседнем дворе, по-моему, на машине подъезжал.

– Круто, – сказал я уважительно. – Но сдается мне, что ты слегка погорячился. Сделать это – настоящий подвиг, особенно в таком наряде!

– Да, мне надо бы переодеться, – вздохнул мой друг. – Холодно, бррр, – сказал он и поежился. – Сколько у тебя денег, Андрей? – уточнил он.

– Совсем негусто, – сказал я, проверяя содержимое своих карманов. – Две тыщи с гаком. Все, что до зарплаты осталось.

– У меня нормально, – сказал Генка. – Еще десярик в кошельке значен да карточка кредитная для покупок. Так ты со мной? – неуверенно спросил он, смущаясь и отводя взгляд.

– Куда я денусь, – сказал я ухмыляясь. – Не бросать же тебя одного. Ты когда последний раз столько пешком ходил?

Генка задумался.

– В школе, наверное. Еще в начальной. Шли с классом на какую-то демонстрацию. Помню – долго шли. Но не помню, дошли или нет.
– Вот-вот, – подтвердил я, – а вдруг не дошли? Поэтому я с тобой.
И мы решительно двинулись в путь. Пешком.

Глава 220

Этот протяженный жилой дом, возможно, самый длинный на проспекте, и один из самых длинных во всем в городе, тянется вдоль Московского проспекта метров на двести пятьдесят. Построенный в конце 1960-х годов, он являет собой неординарный образец авангардизма эпохи раннего застоя. Этажей всего девять. На первом – универмаг «Московский». Второго, по сути, нет вовсе: служебные помещения вышеупомянутого магазина с крохотными окошками, напоминающими квадратные бойницы. В три верхних этажа, перемежая обычные квартиры, кое-где огромными кубиками встроены стеклянно-бетонные атриумы.

– Тут, наверное, ведьмы живут или колдуны, – сказал я Генке. – Сколько бы раз ни ходил мимо этого дома, считая шаги, все время получается одно и то же число!

– Да ну! – удивился Генка. – Давай проверим, – предложил я.

– Давай!

Я пошел по бордовой брусчатке уверенно и быстро, не сомневаясь, что итоговый результат окажется таким же, как и всегда. Генка заметно отстал, похоже, специально и таким неторопливым шагом добрал до меня, остановившегося точно напротив угла дома 220, только спустя минуту.

– Ну, сколько?! – спросил он, криво улыбаясь.

– 333 шага, – сказал я, вздохнув. – Ровно столько же, сколько и всегда. 333, не больше и не меньше.

Усмешка Генриха превратилась в гримасу удивления: брови поднялись кверху, глаза широко открылись, а нижняя челюсть рефлекторно отвисла.

– И у меня 333! – проговорил он. – Вот это да! Мистика какая-то. А если не ведьмы или колдуны, а серьезно, ты можешь это как-то объяснить?

– Ну, – сказал я неуверенно, – есть одна идея, но она тоже из полумистической области. В восемнадцатом веке, после восшествия на российский престол Екатерины II, чистокровной немецкой принцессы, в Петербург активно поехали немцы. Первыми прибыли двадцать две семьи. Здесь, на этом самом месте, была основана их колония, названная позже Средней Рогаткой. Короче, у немцев все всегда точно, – пояснил я слушающему с интересом Генри. – У них не бывает как у нас: с одной стороны... с другой стороны... Ты посмотри, как они в футбол играют. По этой дороге сотни немцев ходили сотню лет. Как ты думаешь, это – объяснение? – спросил я Генку.

– Да, это все проясняет, – авторитетно сказал мой приятель, задумавшись.

Мимо тихо проехал раритетный немецкий Porsche 356.

И мы с начинающим зябнуть Геннадием тихо пошли дальше.

Глава неопределенная, где-то между 216 и 212

... стояли аккуратно припаркованные черные лимузины с золотыми кольцами на крышах. Важные напыщенные шоферы в лиловых ливреях открывали дверцы своих блестящих на солнце пафосных авто, выпуская симпатичных невест в платьях, похожих на февральские сугробы. Окруженные сонмом всевозможных друзей и родственников, к центру площади брели унылые и веселые женихи, подвыпившие шаферы, родители встревоженных детей, дети разряженных родителей, внуки и бабушки с букетами и букетиками цветов наперевес. И еще – играла музыка и били, били сегодня (первый день в году, гораздо раньше обычного!) почти до небес фонтаны, вздымая струи взерошенной воды выше крон старых тополей, что росли по периметру площади. Их брызги сливались с брызгами шампанского, с щедрыми потоками веселого смеха и неудержимого хохота, с пущенными украдкой скупыми слезами отцов, выдающими замуж дочерей, с вспышками фотокамер, слепящими со всех сторон, с чириканьем шустрых воробьев и галдежом всевидящих ворон.

И на весь этот праздничный коктейль, вдыхая его неподражаемый аромат, невозмутимо взирал со своего высокого постаменты хозяин Московской площади Кузьмич, старый революционер. С каменной кепкой в вытянутой руке, до дна заполненной золотистой резаной фольгой, мелкими монетами, лепестками роз и пачкой прокламаций с призывом голосовать против всех.

Я шел им всем навстречу, навстречу молодости, революции и весне, и не сразу заметил, что немолодой, консервативный и не по-весеннему легко одетый Генка остался позади.

– Ты что встал? – кричу ему, обернувшись. – Пошли!

– Не могу в таком виде! – вопит он мне в ответ. – Там невесты, женихи, их родня. А я свадьбы снимаю, меня многие в городе в лицо знают, и... О господи! – Генка встал на цыпочки, всматриваясь в толпу, – не могу поверить!

Я подошел к нему поближе.

– Смотри, там Бернадский с Остолоповым сегодня работают, – воскликнул он, указывая на две суetyающиеся фигуры в серых плащах. – Эти такой кадр не упустят! Фотограф-конкурент в нижнем белье. Стоит мне один раз попасть к ним в таком виде в объектив, и все невесты Петербурга до пенсии в своих свадебных клипах будут лицезреть меня в трусах с ромашками.

– В трусах же, – сказал я, пытаюсь его успокоить. – Не гольшом. Он чуть не бросился на меня с кулаками.

– Хорошо, хорошо, – сказал я. – Отступать нельзя, и наш единственный шанс – напротив.

И мы, чтобы спасти профессиональную репутацию Генриха, нагло, одним рывком, вне полосатой зебры, наискосок, через широкую разделительную полосу, утыканную беспорядочно посаженными липами, пересекли Московский проспект, выйдя на его нечетную сторону прямо к дому № 195

Глава 195

Генка стоял на пороге магазина спортивной одежды известного футбольного клуба и растерянно глядел то на меня, то в пустое портмоне, словно ждал чьей-то отмашки. Ни денег, ни документов, лишь пластиковая карточка устаревшего типа в прозрачном кармашке. Я молчал, не намереваясь высказывать ни слова претензии человеку, выскочившему из квартиры в одной пижаме, и лишь размышлял о превратностях судьбы: без паспорта или пин-кода такая банковская карта становилась бесполезной в любых магазинах. Кроме, может быть, ресторанов и кафе, где пин-код иногда и не требуется, а документы традиционно не спрашивают. Возможности снять наличность через банкомат также не было: с числами Генри с детства не дружил, постоянно путая дни рождения своих родных и знакомых, а уж, чтобы запомнить четырехзначное число... Об этом приходилось только мечтать.

– Здравствуйте! – мило улыбнулась нам белокурая девушка-продавец в фирменной сине-бело-голубой футболке, едва мы прошли в торговый зал. – Что-нибудь подыскиваете?

– Наверное, да, – сказал Генка и посмотрел вниз.

Какое-то время мы все молча созерцали хоровод из желтых ромашек.

– Несомненно, «да», – сказала продавщица, отведя, наконец, взгляд от модных Генкиных трусов. – Что ж, могу предложить замечательный спортивный костюм.

И мы подошли к одной из полок в центре зала.

Учитывая сложившиеся обстоятельства, первым делом Генка посмотрел на ценник. Это тоже был не наш случай.

– Мне бы штаны, – сказал Генка, вздыхая. – У нас финансы ограничены, – объяснил он проблему. – Любые штаны за... Сколько у нас денег, Дрон?

Я напомнил ему скромную цифру, совсем не внушающую уважения.

– За 2123 рубля и 19 копеек! – уточнил он размер нашего кошелька девушке.

– Самые дешевые костюмы по 2300, – сказала продавец. – Из недорогого есть спортивные брюки за 900 рублей – уценка, небольшой брак. И обычные за 1600.

– Небольшой брак – это про меня, – сказал Генка. – Даже до льняной свадьбы не дотянули. Давай возьмем за девятьсот, размер какой? 58-й? Отлично. На куртку уже не хватает. Тогда еще футболку, что ли? – продолжил он, вздыхая.

– Сегодня акция, – воодушевленно сообщила нам продавец. – На фирменные футболки прошлого сезона. Покупая одну футболку, вторую получаете в подарок плюс бесплатно фамилию и номер.

– Отлично! Номер нам не нужен, мы сегодня без барышень, – съюморил я. – А от фамилии какой-нибудь попрικольнее не откажемся.

– Ты чьих будешь? – спросил я Генку, тыкая пальцем в самый верх его пока еще бежевой спины.

– Спагетти, – сказал Генри и со вздохом облизнулся. Мечтательная улыбка выдавала в нем человека, который не завтракал. – Я всегда их любил. А ты?

– Бульба! – сообщил я ему. – Я – картофельная душа.

И вот, наконец, надписи крупными белыми буквами красуются на синих спинах, и мы выходим из магазина: я без денег и Генка в штанах. И симпатичная блондинка из желтого 911-го Porsche уже бросает на нас заинтересованный взгляд.

Мимоходом главы 212

Светило солнце, на площади через дорогу играли струями роскошные фонтаны. Бернадский с Остолоповым важно, как два павлина, медленно вышагивали среди брачующихся и их родственников. Генка улыбнулся и помахал им издали рукой. Вновь обретенные штаны делали его другим человеком, уверенным и оптимистичным.

– Что это за фигуры там, под крышей, на большом доме? – спросил мой друг, глядя на огромное, громоздкое здание на другой стороне площади. – Горгульи?

Я в недоумении посмотрел на своего приятеля, но он не шутил.

– Горгульи, Гена, – это мифологические драконовидные змеи с могучим каменным телом, – сказал я.

– Так трудно представить, – вздохнул мой друг. – Лучше бы ты мне их показал, визуально.

Я только развел руками, сделал многозначительную паузу, а потом продолжил:

– Горгулий изображают на барельефах храмов, а уж никак не на фасаде Дома Советов.

– А это Дом Советов? – спросил Генка.

– Да, представь себе. Во всяком случае, был им раньше. Сейчас тут офисы, как и повсюду. Кстати, Горгулья охраняла кабинет Дамблдора в книге про Гарри Поттера. Про Поттера-то ты слышал?

Генка кивнул и сказал, что он всегда хотел учиться в школе магии. – Увы, это не «Хогвартс», – сказал я. – И на барельефах высечены не горгульи, а изображения рабочих и колхозниц, символизирующие радостное выполнение общественно-полезного труда.

Но не все общественное в этом мире безоговорочно понятно и полезно. Один из подземных выходов, что выталкивают многолюдные потоки пассажиров из вестибюлей станции метро «Московская», широко известен по стихийно возникающим вечерним сборищам неформальной молодежи в черных одеждах. С броскими волосами угольного или ультрамаринового цвета, косыми рваными челками, закрывающими один глаз, и пепельными тонами выразительных лиц. Мы называем их «эмо», возможно и сами они величают себя так же, но чтобы проверить это, необходимо завести хорошие знакомства в их среде. Что это? Подростковый бунт против надоевших условностей традиционного общества? Вызов всем и каждому? Следование современной, часто брутальной, моде? Голос крепнущей, но пока не признаваемой окружающей Личности? Кто знает...

Генка летел вперед, словно купил не штаны, а крылья. Воздух вокруг взрывался клочьями песчаной, оставшейся от зимних тротуаров пыли, я едва успевал за ним, мне приходилось почти бежать. Мистер Спагетти, несомненно, был настолько преисполнен здоровой решимости дать бой противнику на его территории, что собрался незамедлительно вернуться обратно, на четную сторону проспекта. Плотное движение не позволяло ему повторить наш недавний маневр – нагло пересечь дорогу напрямик, он подскочил к ближайшему светофору, благо тот был недалеко, и стал ждать зеленого сигнала. Наивный Генри. Ему не было известно, что это единственный в городе, а может и во всей вселенной, эМо-светофор. «С кем поведешься, от того и наберешься», – гласит народная мудрость. «Бытие определяет сознание», – говорят нам философы. И все они правы.

Уникальный эМо-светофор, рядом с которым тусуются эмо на Московском проспекте, – очередное тому доказательство !

Наши мысли соответствуют нашей жизни. Если вы хотите поменять свои мысли, поменяйте свою жизнь.

Когда цвет знакомых человечков изменился, а машины в потоке вовсе и не думали останавливаться, Генка сообразил, что здесь что-то не так.

– Андрюха, – обратился он ко мне. – Мне что – мерещится? Почему сейчас для пешеходов горит оранжевый?

– Потому что это эМо-светофор, – просто объяснил я. – А потом будет зеленый? – с надеждой спросил Генри.

– С какой стати? – недоуменно ответил я вопросом на вопрос. – Потом будет фиолетовый, и лишь потом – зеленый.

– Фиолетовый???

– Да, как колокольчики в тумане.

– Ничего не понимаю! – возмутился Геннадий.

– Откуда ж тебе Гена это понимать, когда последние пять лет ты смотрел на мир из окна автомобиля, – спокойно сказал я. – Вот Машке и надоело.

– Глупости, вовсе не в этом дело, – буркнул он и на пару мгновений замолчал.

Не скажу, что являюсь большим специалистом по эМо-светофорам, ибо имел дело всего с одним экземпляром, но все-таки позволю себе обобщить опыт своих наблюдений в форме четырех простых правил, похожих на витрину с пивными бутылками в ассортименте:

Правило 1 – классическое.

На зеленый идти можно.

Правило 2 – оригинальное.

Если у эМо-светофора горит фиолетовый сигнал, то дорогу переходят лишь эмо-пешеходы, а проезжают лишь эмо-водители. Остальные (обычные пешеходы и водители) стоят.

Правило 3 – нефiltroванное.

Никогда заранее не знаешь, когда изменится сигнал эМо-светофора. Можно ждать минуту, а можно и пять, никакой логики в этом нет, во всяком случае, мне она неизвестна.

Правило 4 – крепкое.

Если загорелся оранжевый, то идут самые смелые пешеходы: сигнал без предупреждения, в любую секунду, может опять измениться. А все эмо возвращаются обратно, если, конечно, они еще не спустились в подземный переход.

В это момент, внезапно, оранжевый сигнал изменил свой цвет. На фиолетовый.

Одним из самых редких даров, встречающихся в характерах окружающих нас людей, несомненно, является божественный дар терпения. Мы все, и особенно мужчины, очень нетерпеливы. Бешеный темп современной жизни не оставляет нам выбора. Если боишься опоздать, начинаешь бежать еще быстрее. «Ждать – удел слабых или глупцов», – так думаем мы, немедленно заявляя свои права сразу на все, что увидим вокруг. Увидев желанную цель, моментально бросаемся к ней, а получив то, что хотели, быстро остываем. Такие все мы, дети своего времени, и Генка не являлся исключением из этого правила. Он решительно шагнул на дорогу.

Всегда знал, что в душе он немного эмо. Я не эмо, но оставить друга в одиночестве не мог и пошел вслед за ним, внимательно смотря по сторонам. Перейдя дорогу, я обернулся и бросил взгляд на высокий сталинский дом. Мне казалось, что я слышу звуки аккордов. В этом доме много лет назад провел часть своего детства Виктор Цой. Потом я посмотрел вперед, через сквер в сторону улицы Алтайской. Оттуда тоже звучала музыка. Там, в доме №22 жил и впервые взял гитару в руки Борис Гребенщиков.

Мимо нас пронесся Porsche 944. Наверное, за рулем был эмо-водитель.

Глава 206

– Забавная ситуация, Андрюха, – сказал Генка, на ходу разглядывая свою кредитку. – Денег у нас вроде бы и нет, хотя в то же самое время они вроде бы и есть.

– Есть, чтобы поесть, – скаламбурил я.

– И хорошо поесть! – отозвался Геннадий, останавливаясь. – Предлагаю зайти вот в эту красную дверь. Я тут с китайцами обедал. Здесь у моей карточки пин-код не требуют. Можно заказывать все, что душа пожелает. Да и куда нам торопиться? Холодно на улице.

Генка невольно поежился. Футболка, надетая поверх пижамы, не очень подходит для прогулок по Петербургу ранней весной.

– Да, Гена, торопиться некуда, вдруг лето наступит и на улице потеплеет. Всего-то на 48 дней раньше срока.

Голодные, но не злые (удовлетворенность от победы над фотографами-конкурентами сделала нас на время довольными и покладистыми), мы внимательно изучали длинное меню ресторана латиноамериканской кухни.

Рестораны как женщины: их нельзя не любить. Удовольствие, получаемое от вкусно приготовленной еды, неспешно поглощаемой в уютном месте, вполне сравнимо с удовольствием от приятного общения с противоположным полом. И даже приближается, по оценкам знатоков, к удовольствиям от рыбалки, просмотра футбола и активному вождению автомобиля.

Не спеша откусав изысканный помидорный суп – гаспачо и превосходное жареное стrogаное мясо – фахитас (что взял Генка, я не запомнил, нечто очень эксцентричное), я спустился на первый этаж, где находились los servicios. Внутри было по-домашнему уютно: громко играла la música, тихо журчала el agua, а на полках стояли старые потрепанные los libros. Сделав свои дела, я взял одну из книг и раскрыл наугад.

«Вдали сквозь утренний туман сверкали верхи позлащенных спицов Адмиралтейства и высокой колокольни Петропавловского собора, но солнце еще не показалось из-за частой сосновой рощи, и густая тень лежала на кровле двухэтажного дома старинной архитектуры, в котором помещался трактир, известный под названием «Руки», или «Средней рогатки». Все было тихо на большой Московской дороге...».

«Рославлев, или русские в 1812 году», некий Загоскин. Не слышал о таком.

Притворив скрипнувшую la puerta с красноречивой табличкой, из узкого тесного холла, мимолетно улыбнувшись la samaroga, я высунул голову через дверной проем на улицу, чтобы проверить реальность описания из книги. От центра Средней Рогатки, хорошо обозримой даже с этого расстояния высокой гранитной стелы на нынешней площади Победы, мы с Генкой начали свой путь, но сосновой рощи нигде не было и в помине, и даже золотые шпильки отсюда не наблюдались. Не ездили телеги, не ремонтировали дороги, и не пахло конским навозом. «Прошло всего двести лет, а сколько всего поменялось», – подумал я меланхолично, провожая восторженным взглядом промелькнувший мимо Porsche 959, и в этом сумбурном настроении поднялся обратно на второй этаж.

Генка болтал, не переставая. За едой он вообще был охоч до разговора, и я, несмотря на то, что не носил респектабельный статус особенно близкого друга, знал о нем достаточно. Знал про мать, веселую, крупную и пыхтящую тетку, которая очень любила своего единственного сына и постоянно докучала своим вниманием. Несмотря на то, что Генка вырос, мать по-прежнему сохраняла огромное влияние на него. Знал про отца, чиновника средней руки из районной администрации, который три года назад пристроил своего отпрыска в фотоателье при Дворце бракосочетаний, да так удачно, что Геннадий, не утруждая себя ежедневной работой, практически не нуждался в деньгах. Подробно, в деталях, знал историю знакомства Генриха и Марии. Но об этом пока предпочитаю не распространяться. Сладкое – на десерт.

И вот нам уже несут благоухающий малиновый пирог, весь в сахарной пудре, и к нему два ароматных кофе. Генке – эспрессо. А мне – капучино. И вторую бутылку вина. Под алкоголь разговор получался душевным, располагающим к признаниям и откровенности, и вскоре я выведал у приятеля повод, из-за которого мне пришлось отправиться в путешествие сегодня утром. Та причина являлась субъективной особенностью Генкиного восприятия. Попытаюсь объяснить это подробнее.

С моей точки зрения, Генка являлся личностью исключительно позитивной и ярких недостатков, коими так изобилуют люди в нашу эпоху, эпоху всевозможных соблазнов и специфических вкусов, у него не наблюдалось. Пожалуй, только два пунктика иногда заставляли напрягаться окружающих: во-первых, он любил прихвастнуть, и, во-вторых, временами становился очень обидчив и ревнив. И именно последнее качество делало его, весьма покладистого и терпимого ко многому человека, очень уязвимым перед лицом глупых страхов, подозрений и фантазий.

Масла в огонь эпизодически подливала его мамаша, считавшая Марию, невестку, абсолютно недостойной своего сына. С точки зрения Генкиной родительницы, любая особа, посягнувшая на его свободу, должна была взамен отдать Геннадию всю себя без остатка, превратившись в фабрику-кухню, прачечную, овощевода и консервного мастера, горничную, массажистку, парикмахера, а также в казначейство, монетный и печатный двор. Уверен, что даже писатели-фантасты не смогли бы достоверно изобразить такое существо, идеально подходящее, с точки зрения Зинаиды Прокопьевны, в качестве законной супруги для сыночка. В общем, свекровь ненавидела невестку, и та отвечала ей лютой взаимностью. Обычная история.

Ближе к третьей бутылке вина я, наконец, понял, что этим субботним утром Генка приревновал жену к одному из ее коллег (по пустяковому, на мой взгляд, поводу) и, переживая, устроил скандал. Получил в ответ порцию жестких слов, после чего позвонил мамане, поплакался в жилетку, а потом позвонил и мне, приглашая в напарники-компаньоны, чтобы успокоиться и доказать самому себе, а заодно и всем, что он на что-то способен.

Что было дальше, помню плохо. Помню, как расплачивались по карте в «Макарене». Я немного волновался, но все прошло удачно. Потом вышли на проспект, бодро горланя какую-то песню. По-моему, про крейсер «Варяг». «Не сдается», «гордый» и все такое прочее.

Глава 204-190

Дальнейшие полчаса намертво выскользнули из моей памяти.

Глава 165 – 2

Сознание медленно возвращалось ко мне. Оказалось, что полдень давно миновал, солнце спряталось, ветер крепчал и краткий бенефис весеннего петербургского тепла закономерно подошел к концу, оставив нас, веселых путников, наедине с одной легкой курткой на двоих. Капризная апрельская погода в первый раз заставила искать убежище от надвигающейся стужи. И мы зашли в красивейшее здание неоклассического стиля на левой стороне Московского проспекта. Перед входом – полированные гранитные шары со следами отпечатков множества детских рук и грустные темные трубы оркестра неработающих фонтанов в пересохших чашах и акваториях, с октябрь по апрель у них антракт, они играют позже.

– Всегда думал, что библиотеки в современном мире бесполезны, а здесь хорошо, тепло, – сказал Генка, когда мы вошли внутрь.

– И народу мало, меньше, чем в метро, – добавил я, также чувствуя себя комфортно.

Я, однозначно, не любитель больших тусовок. Подозреваю, что в старости, если позволят финансы, уеду куда-нибудь на малолюдный остров. А если не позволят, то в провинциальный город, туда, где под окнами нет потоков машин, где на лавочках с самого утра судачат добрые алкоголики, прямо во дворе по весне поют златоголосые соловьи, а в ларьке напротив продается теплый, только что испеченный, ароматный хлеб. А до дачи можно не торопясь дойти пешком за час. Куплю участок. Построю небольшой домик. Буду выращивать овощи, капусту к примеру, как римский император Диоклетиан, который, согласно проверенным историческим данным, без всяких интриг и переворотов, а просто устав от большой и малой политики, важных государственных дел, ушел на покой и поселился в тихой деревне.

Говорят, капусту выращивать нетрудно, что очень важно для новичка-садовода. Затем примусь за более серьезные проекты: морковку, репу и свеклу. А потом, глядишь, и до фруктов дело дойдет. А если повезет, и остров мой в теплых краях окажется, бананы буду сажать и фейхоа. Вот такие у меня наполеоновские планы на развитие планетарного огородничества и садоводства.

Друг мой Геннадий не таков. Он не садовод. Даже в перспективе. Он – публичная персона и неутомимый энтузиаст. Он любит быть впереди, там, где свистит суровый ветер и бушуют жестокие шторма, там, где постоянно что-то происходит и меняется, там, где природа, ситуация или обстоятельства постоянно проверяют тебя на прочность, там, где можно проявить себя, рискнуть и насладиться опасностью. Если вы знаете такое место (лучше с парковкой) и увидите на ней большой, наглухо закрытый оранжевый (это его любимый цвет) автомобиль, знайте, это – Генка! Он всегда в центре событий, в центре внимания. Он всегда на коне.

Любезный ангел в очках и белой блузке невысокого роста стеснительно посмотрел на нас из-под деревянной стойки со стопками аккуратно сложенных книг и робко поинтересовался целью нашего визита. Мы ответили ангелу, что два охочих до знаний студента, имея один паспорт на двоих, в погоне за дипломами хотели бы записаться в библиотеку. Ангел сказал, что это против принятых у них правил, и оформил меня одного, выдав читательский билет.

– Ну, все, – сказал я Генке, предвкушая релаксацию в теплом местечке. – Пошли в зал.

– Как в зал? – удивилась работница библиотеки. – А книги-то брать будете?

– Ах, книги, – «вспомнил» я. – Генка, ты что хочешь почитать? – Что-нибудь легкое, – сказал Генка. – Детектив.

– Молодые люди, у нас нет детективов, здесь же научная библиотека, – занервничала девушка за стойкой.

– Мне дайте про историю человечества, а ему – про зверей, – уточнил я, вспомнив, что давно хотел выяснить, как именно человек произошел от обезьяны, а у Генки в детстве жила черпаха.

– Молодые люди, каталоги справа, найдите по рубрике, какие конкретно книги вам нужны, и я их принесу.

Варварство. В XXI веке использовать для поиска информации картонные карточки. Но тем не менее, выбрав быстро и почти наугад, я стал счастливым читателем фолианта с философским названием «Человек: тупик или вершина эволюции», а «везучий» Генри получил от меня для прочтения труд, имеющий еще более звучное имя: «Сумчатые землеройки Галапагосских островов».

– Давай поменяемся, – жалостливо сказал мне мой друг, – но я, с царственным величием дошедшего до конца эволюционной спирали субъекта, отклонил его смешную просьбу.

Не пускаясь в долгие объяснения, замечу, что в читальном зале наши сине-бело-голубые футболки произвели фурор, сравнимый разве что с фактом, как если бы Российская Академия наук в полном составе пришла на стриптиз.

Глава Тортуга

Кладезь премудростей цивилизации остался за спиной. Мы перешли по подземному переходу на другую сторону Московского проспекта и продолжили двигаться параллельно одной из аллей парка Победы, огражденной от асфальтового тротуара естественным забором из невысоких стриженных кустов. Летом этот парк – царство воды и зелени, воистину как оазис в пустыне большого города, и является очень популярным местом отдыха. Зимой здесь также людно: коньки, лыжи, санки, снежки и снеговики привлекают значительное число охочих до зимних забав горожан. Но, сейчас межсезонье, листья и на кустах, и на деревьях еще не было (она обычно появляется в начале мая), и парк выглядел пустынным и голым. Температура воздуха между тем стала стремительно опускаться к нулю. И даже вечные группки азартных шахматистов с досками, фигурами и часами испарились с многочисленных старых скамеек, видимо, разбрелись по конурам и норам уютных и теплых квартир. Лишь кое-где, нарушая пафос торжествующего одиночества, сквозь ветви просвечивали силуэты мерзнущих статуй и барельефов. Деревьям тоже было холодно, и они, встревоженные порывами невского ветра, шептались неодетыми кронами и жаловались нам. Но мы молчали. Жуткий холод не давал нам возможности думать и разговаривать. Моя идея пробежаться была встречена Генкой в штыки. Геннадий являлся мужчиной видным и дородным: лежа на спине, он напоминал автомобиль «Жук». При такой комплекции пробежать по доброй воле хотя бы метров триста, было бы сродни подвигу.

И вдруг в глубине парка оранжевыми язычками замигал спасительный огонь. Мы как раз дошли до центрального входа, что находится прямо напротив памятника Чернышевскому, или Гаврилычу, как кличут его местные жители. Огонь, казалось, был недалеко, и, сворачивая к нему, сначала на центральную аллею, а потом на тропинку наискосок, формально мы не нарушали Генкину клятву, данную супруге в запале семейной ссоры – идти прямо и не возвращаться назад.

Огонь сверкал на небольшом, размером с дворовую хоккейную коробку, участке суши недалеко от большого пруда, ответвления от которого в виде узких каналов делали его настоящим островом. Мы смогли попасть туда по импровизированному мостику – длинной и широкой доске, вкопанной основаниями в черную землю покатым склоном.

В небольшой лощине, вокруг тайного, можно сказать по-пиратски зажженного костра, сидели... пираты. Во всяком случае, это были люди в костюмах пиратов.

– Здравствуйте, пираты! – негромко сказал я пиратам, словно боялся их разбудить, хотя они и не спали.

Пираты, а их было немало, штук восемь, совсем не удивились. Ни матерому морскому волку Андрюхе, то есть мне, ни потерпевшему кораблекрушение юнге Генке. Напротив, они поднялись с корточек, а самый высокий и раскрашенный из них спросил:

– Вы – наши колеса?

Мы с Генкой переглянулись. Прямо Амстердам какой-то.

– Нет, – сказали честно мы.

– Тогда откуда вы взялись? – спросили пираты.

– Мой корабль разбился о рифы семейного быта, – печально сказал Генка, подходя как можно ближе к костру. – Я ищу тихую гавань в надежной бухте, чтобы поправить оснастку и переждать шторм. А вы что делаете здесь, о джентльмены удачи, о корсары пяти морей?

– Микроавтобус наш сломался, обещали другой прислать, – пояснил самый разряженный и красивый пират, видимо главный. – Работали тут, напротив, на Кузнецовской, на детском празднике у одного нувориша.

Это выглядело похожим на правду. На Кузнецовской улице кузнеца, если тебе он вдруг понадобился, не найдешь днем с огнем. Но зато там живет много действительно богатых людей, об этом знают все. Правильнее было бы ее переименовать в Новорусскую.

Пираты потеснились, и мы влились в их кружок, получив возможность погреть свои конечности, бока и спины. Так мы и отдыхали какое-то время, пока костер не потух, превратившись из огненного котенка, ласкающего всех язычками оранжевого пламени, в горстку дымящихся угольков.

Глава 186

Есть вещи, без которых наше существование становится невыносимым: еда, вода, хорошая компания, надежда на лучшее, вера в высшую справедливость, а также, как оказалось, в определенных условиях теплая одежда. Именно отсутствие последнего пункта беспокоило нас с Геннадием все больше и больше. Пиратский костер давно погас. Не дождавшись нового корабля, пираты сняли свои повязки и косынки, попрятали сабли и пистолеты в сумки и полиэтиленовые пакеты и неторопливо разбрелись к станциям метро и остановкам общественного транспорта, превратившись в цивилизованных законопослушных граждан. Но мы, два последних героя, два последних корсара ледяной вечности, упорно продолжали прямой, но очень тернистый путь.

Вечер и ветер принесли просто пронизывающую стужу. У немногочисленных встречных прохожих исчезли кофты, пиджаки и темные очки, уступив место пуховикам, пальто, вязаным и мохнатым шапкам. Мне вспомнилась моя старенькая школьная ушанка из линялого кролика. В ней всегда было тепло, даже зимой, даже в лютый мороз. Где ты, подруга дней моих суровых? Почему сейчас ты не со мной, а лежишь на какой-нибудь забытой антресоли или полке, возможно, у дальних или близких родственников, или, и того хуже, бесследно сгинула, согласно решению семейного ареопага, в дворовой мусорке, незаполняемом некрополисе ненужных вещей?

Но никто не ответил мне, ни тихо, ни шепотом. Лишь громко дрожал от холода Генка.

Для покупки одежды требовались деньги. И мы опять решили немного согреться, а заодно поиграть в «угадайку» с банкоматом, благо ближайшее отделение австрийского банка, выпустившего Генкину карточку, находилось рядом, за углом. Легкой пробежкой, под цветомузыку мигающего зеленого светофора, мы пересекли Кузнецовскую улицу и через несколько десятков шагов подошли к большим красивым стеклянным дверям с желтой эмблемой.

Я подергал ручку. Безрезультатно. В субботу короткий день, и мы не успели до закрытия офиса, но, к счастью, это было не так важно. Генка достал кредитку, неуловимым движением провел ею меж специальных алюминиевых пластин. Мигнул зеленый огонек, щелкнул хитрый замок, и прозрачные привратники позволили нам пройти.

Внутри было гораздо теплее, чем на улице, и одно это уже настраивало на оптимистичный лад. Генка прекратил трястись, лицо его медленно меняло цвет с устрашающе пепельно-синего на стандартный белый. Примерно на середине процесса речь вернулась к нему, и он спросил:

– Ну, и какие есть идеи? Пин-кода-то я не знаю!

– Ну, может, хоть что-то вспомнишь? – выразил я робкую надежду на успех.

Генка покачал головой.

– Очень мало, почти ничего, – сказал он потерянно. – Число четырехзначное, как и любой банковский код. Помню, что есть единица. И все, пожалуй.

Я умоляюще смотрел на него, как смотрят дети, выпрашивающие у родителей «часик» игры на компьютере.

И Генка вспомнил.

– Машка говорила, – сказал он неуверенно, – что это число, как его там... а... оно «счастливое и простое». Вот. Именно так она сказала. Счастливое и простое. Не знаю, что это значит, ерунда какая-то.

– Понятно, – сказал я. – Это не ерунда, это значительно сужает поиск.

Из базового курса школьной математики (который прошел мимо головы моего друга) мы знаем, что простое число – то, которое делится без остатка только на единицу и само на себя. Например, 3, 7 или 19.

Про счастливые числа в этом мире слышали, наверное, все, кто пользовался общественным транспортом, где выдаются билеты. В счастливом числе сумма левой половины цифр должна быть равна сумме цифр, входящих в его правую половину. То, что Геннадий этого не знал, я могу объяснить лишь тем, что со времени нашего знакомства несколько лет назад (а познакомились мы в институте, на пересдаче зачета) я ни разу не слышал от него, чтобы он пользовался троллейбусом или автобусом.

– Давай попробуем, – сказал я, подталкивая Генку к банкомату. – Вводи пин-код.

Генка вставил карточку в узкую пасть устройства.

– **1607**, – продиктовал ему я.

Нажатие нескольких кнопок. Ожидание.

Ошибка. Экран замигал красным и предложил повторить процедуру.

– Не прокатило, – грустно сказал Генка. – У нас осталось две попытки. Давай, Андрей Васильевич, напряги мозг!

– Хорошо, – сказал я, сосредоточившись. – Есть еще вариант – **1753**!

Опять короткое стаккато по металлическим клавишам. И опять неудача.

Остался последний шанс.

– **1973**, – выдохнув, изрек я, закрыв на всякий случай глаза.

«Ваша карта заблокирована. Для активации необходимо обратиться в отделение банка с документами, удостоверяющими личность». Вот и все, чем смог порадовать нас этот жирный железный тупица.

Генка тоже расстроился, и тут его осенило.

– погоди, я вспомнил, в том числе было ДВЕ единицы. Точно, две!!!

– **ЧЕГО ЖЕ ТЫ МОЛЧАЛ!!!** – вскричал я. – Сообразил бы раньше, через полчаса уже купили бы себе по полушубку.

В самом деле, с этим дополнительным условием решение представлялось очевидным. Но поезд ушел. А мы, опоздавшие к празднику раздачи шелестящих купюр, вынуждены были уйти из банка. Несолоно хлебавши, зато на время немного оттаяв.

Глава 29-45-49 (в ожидании трамваев)

Выйдя из банка, мы сходу пересекли тротуар и половину проспекта и оказались на трамвайных путях, отделенных от проезжей части газоном, утыканным цепочкой деревьев со стриженными под правильные геометрические фигуры кронами. Неудача с финансами настолько расстроила нас, что несколько минут мы шли абсолютно молча. А потом, за широким перекрестком, у Генки вдруг запищал телефон. Он развернулся, замедлил шаг и, стоя ко мне спиной, стал что-то ожесточенно обсуждать с невидимым собеседником. Из вежливости я старался не слушать, но чувствовал, что тема его очень трогает.

Вдруг все завершилось. Генка повернулся ко мне. Лицо его походило на маску фараона, припорошенную свежим снежком. Без чувств, эмоций и абсолютно белое. Он сказал, вернее прохрипел:

– Мать звонила. Сказала, что видела сегодня Машку в пикантной ситуации, на улице с другим парнем. И ты хорош, Андрюха: все долдонил в кафе – «показалось», «показалось». И без нее я не могу, душа прямо разрывается на части, а с ней не могу тоже. Что ж, наш путь окончен, —добавил он угрюмо и нецензурно выругался, первый раз за этот день. Окончен прямо здесь!

И Генка растянулся на трамвайных рельсах. У меня все похолодело внутри. Я понял, что он не шутит. И что это огромная проблема. Упрямство Генки в кругу общих знакомых и приятелей всегда было притчей во языцех. Если Геннадий что-то решил, то сделает обязательно. И кроме Марии, его супруги, я не знал никого, кто смог бы с этим упрямством совладать. Но, по понятным причинам, на ее помощь рассчитывать не приходилось.

Должен сказать, что в этот момент я очень испугался. Поступок моего приятеля, несмотря на его репутацию импульсивного человека, застал меня врасплох. Генкина жизнерадостность и, будем откровенны, некоторый эгоизм стопроцентно противоречили тому, что он собирался совершить. Вначале я подумал, что он шутит и что пройдет несколько мгновений, в крайнем случае, с десятков секунд, и он поднимется, а потом, улыбнувшись до ушей, в своей обычной манере скажет: «А, все это фигня. Пошли, выпьем по кружке хорошего пива». Или: «Ну, вот, Дрон, наконец я свободный человек! Сегодня вечером – на дискач?». Но время шло, а этого не происходило, и я с нарастающим ужасом думал, что абсолютно не знаю, что делать дальше.

Трамвая пока не было, но он обязательно появится. И что тогда? Бежать навстречу, предупредить вагоновожатого? Очень рискованно. Ведь рельсы имеют два конца, и с другой стороны тоже может появиться трамвай, а оттуда никто не подстрахует. Мозг отказывался сообщать. Паника ледяной арктической волной окатила меня и сбила с ног. Я присел на землю рядом с Генкой в полной растерянности. Применить силу? Можно попробовать, но это поможет, только лишь, если Геннадия связать по рукам и ногам, однако веревки поблизости не наблюдалось. Я понимал, что счет идет на минуты и что эти минуты могут оказаться для моего друга последними.

Так или иначе, было предпринято несколько попыток прогнать моего приятеля из смертельно опасной зоны.

Попытка № 1 – банальная.

– Генка, не дури. Слазь с рельсов!

Эффективность нулевая. Атака в лоб не удалась, и я попробовал маневр.

Попытка № 2 – гносеологическая.

– Генка, что ты делаешь?

С тем же успехом.

Попытка № 3 – каузальная.

– Генка, ради чего все это?

Опять неудача. Вопрос остался без ответа.

Попытка № 4 – грубая физическая.

Я молча взял моего друга за ноги и попытался стащить, но он вцепился пальцами в рельсы, словно клещ, и я с его шлепанцами улетел в сторону сам.

Эффективность та же, что и в предыдущие разы, те же ужасающие нуль процентов.

И в это время из-за поворота с улицы Благодатной показался совсем не благодатный трамвай № 45.

Глава 45 (в ожидании приближающегося трамвая)

– Она не всегда была такой, – негромко сказал я, вложив в эту простую фразу весь тайный смысл верховного обряда европейских масонов, твердость кулаков китайских монахов из Шаолиня, энергию ритуального танца американских ацтеков, а также пьяное гипнотическое покачивание русских трактористов до, после, и во время посевной.

И это сработало.

– Что ты сказал?! – спросил недоумевающий Генри, поднимая голову.

– Что слышал, – буркнул я, намеренно отворачиваясь.

– Повтори, что ты сказал?

– Не буду!

Генкино лицо изменилось до неузнаваемости. Он покраснел, встрепенулся, и какая-то неведомая сила в один миг поставила его на ноги рядом со мной.

Трамвай № 45 весело прогрохотал мимо нас.

– Это не моя тайна, – спокойно сказал я, пристально глядя на Генку, когда стих стук колес. – Я не могу ее открыть.

Потом опять присел, и, подняв с земли перерезанный надвое шлепанец, кинул остатки тапка ему в грудь. – Это могла быть твоя голова!

И тут до Генри дошло. Он уткнулся мне в плечо и тихо заплакал. – Дрон, как ты мог? Предать друга...

– Какого друга? – серьезно спросил я, отодвинув его ладонями на расстояние вытянутой руки. – Эгоиста, готового на все, чтобы только потешить уязвленное самолюбие? Человека, способного заставить своих друзей нести до конца жизни такой тяжелый крест? Тот Генка мне не друг. И я НИКОГО, – я подчеркнул это голосом. – Не предавал!

– Не понял?

– Чтобы спасти твою непутевую голову, я был готов даже броситься под трамвай, если бы это помогло. Но пришлось пойти на обман.

– Так это не о тебе маманя говорила, и ты с Машкой глубже не знаком?

– Нет, – быстро сказал я, не отвечая на вторую часть вопроса. – Не обо мне.

И это была правда. Но не вся.

Глава 137

Американский спутник-шпион, делая очередной виток над планетой, где-то в пространстве 60-й параллели, пролетая над Россией, вдруг получил сигнал SOS. Он включил маршевые двигатели, резко сдвинулся на геостационарную орбиту и завис над одной примечательной точкой земной поверхности. Полностью развернув параболические антенны и нацелив отличную оптику, он не мог не увидеть в свои мощные объективы, как посередине Московского проспекта, меж трамвайных путей, тщательно обходя большие лужи и просто сырые места, медленно, на цыпочках, держа в руках половину шлепанца, по равнодушным бетонным плитам шел полностью замерзший Генка.

Спутник передал своим хозяевам картинку и, возможно, звук. И вскоре на столе у президента всех соединенных штатов уже будет лежать папка сверхсекретных докладов, что русские, вероятно, готовят экспедицию на Марс, где, как известно, прохладно. И что участники экспедиции проходят в данный момент жесткие тренировки на выживание, параллельно упражняясь в использовании выразительных метафор на языке Пушкина и Толстого. И в этот момент, у спутника замерз передатчик, а затем и модуль ориентации. Запутавшись в звездах и планетах, он вошел в верхние слои атмосферы и сгорел.

И мы увидели болид на вечернем небе. И я загадал желание. А потом в голову пришла отличная идея.

– Зачем мы сворачиваем в гипермаркет, Андрюха? – спросил мой друг, экстраполировав траекторию наших отклоняющихся влево шагов.

– Затем, что без обуви, прыгая как козлик, ты не дойдешь, – сказал я, шурясь от встречных фар, одновременно переходя на нечетную сторону Московского.

– Я не козлик, – сказал Генка. – Я ишак, вернее осел. Сам себе проблемы создал. И денег у нас нет.

– Есть. Двадцать семь рублей.

– Шутишь! На них и стельки не купишь, даже шнурка, не говоря про ботинки.

– Нет. Двадцать семь рублей – иногда деньги. Например, столько стоит маршрутка, которая сможет распрекрасно отвезти тебя домой, – грозно и серьезно сказал я.

– Ни за что! Только пешком!

– Тогда доверься мне, – участливо произнес я. – В этом товарном оазисе должна быть волшебная комната, пещера Али-Бабы, где на крючках висят теплые жилетки, комбинезоны и халаты, а у скамеек стоят ряды выдавших виды шлепанцев и отличных разношенных кроссовок.

– Знаю, – нахмурился Генка. – Она называется «Раздевалка для персонала». Ты хочешь экспроприировать что-то из гардероба бедных гастарбайтеров?

– Жди здесь, у касс, здесь тепло, – скомандовал я, отказываясь прояснять свои намерения, и прошел в торговый зал.

Зал был огромен. По всем направлениям, куда только мог достать алчный покупательский взор, все было заставлено полками и стеллажами с товаром. Время позднее, посетителей внутри было немного, и на контрасте такое количество вещей и продуктов производило по-настоящему сильное впечатление. Сейчас большой магазин для нас, городских жителей, – дело привычное, но лет двести назад внутри типового гипермаркета разместилось бы население целой волости, а то и губернии. И лишь очень немногое из ассортимента они, эти прекрасные, но несовременные люди, смогли бы назвать или хотя бы узнать.

Через пять минут Генка встретил меня у кассы.

– Держи. Еще сдача осталась, – сказал я и протянул ему рубль. – И давай свой шлепанец, отремонтирую его, – продолжал я, гордо размахивая перед носом друга рулоном прозрачного скотча.

На месте произведя починку обуви и успешно опробовав в деле тапок версии 2.0, мы снова двинулись в путь.

Глава 129 – 125, набирая скорость

Иногда человеку свойственно грустить или радоваться без видимой причины. Бывает, мы чувствуем что-то, что не можем понять или объяснить. Иногда мы попадаем в незнакомое место и растерянно озираемся по сторонам, испытывая странные ощущения. Место, где можно оказаться лишь однажды, – пляж в Акапулько. Многие ли из нас, европейских жителей, бывали там? Смотрели на длинные, могучие и ленивые волны Тихого океана. Слушали шорох ворчащего песка и трели восторженных тропических птиц. Любовались другим солнцем и не по-нашему ползущими лишь по самой макушке неба облаками. Видели людей, с которыми больше не встретишься... нигде и никогда.

В мире прагматичных поступков пляж в Акапулько не востребован. На край света зачем ехать. Даже единожды. В мире прагматичных поступков нет места случайности, сомнениям и порывам, в нем все упорядочено и предопределено. И еще. В нем нет любви, есть лишь привычка. Бегите из такого мира! Бегите, если можете.

Мы не торопясь брели в одиночестве. В столь поздний час других прохожих в этой части проспекта не было. Может быть, поэтому свора дворовых собак, разномастных и шумных, слегка подумав, засемила именно к нам, повизгивая и угрожающе твякая. Эка невидаль, собаки! Мы не испугались, но, на всякий случай, ускорили шаг. Шаррики и Бобики, словно обрадовавшись, побежали трусцой. Справа, по Московскому, носились с сумасшедшей скоростью машины, слева – сплошная стена домов, сзади – собаки. Деваться было некуда, только двигаться вперед. Мы перешли на аллюр. Тогда они сбились в тесную стаю и попытались изобразить собачий галоп. Генка стремительно бросился от них рысью, я же, не ожидавший такой прыти от заядлого автомобилиста, в первый момент отстал, но затем прибавил ходу, и мы почти одновременно влетели в спасительный подъезд, единственный незакрытый по маршруту нашего следования, и с размаху захлопнули дверь.

Злобные собаки остались снаружи, и их воющее недовольство здесь, за тяжелой металлической дверью, казалось, не представляло больше опасности. Освещения в подъезде не было, кругом царил абсолютная мгла. Я не видел даже Генку, слыша лишь его тяжелое прерывистое дыхание. Мы начали подниматься вверх, в надежде найти источник света или хотя бы окно, чтобы сориентироваться.

Ступеньки закончились, и я стал лазить по стене в поисках выключателя. Сначала стена была холодная и твердая, потом неожиданно она стала мягкой и теплой, и в тот момент, когда она из ровной сделалась вдруг округлой, в этот самый момент кто-то бархатным женским голосом, совсем над ухом, прошептал: «Выключатель левее. Но не зажигайте свет!».

В темных недрах главы 5 в кубе

Я был совсем не против темноты в данном историческом контексте, особенно учитывая специфику установившегося контакта, но чувство любопытства или, возможно, врожденный инстинкт не соглашаться сразу с говорящей женщиной толкнули меня задать этот неуместный вопрос:

– Почему???

– Потому что на площадке этажом выше лежат два огромных спящих мужика. Вы их разбудите.

– Огромных? – недоверчиво спросил я.

– Один штангист, другой метатель копья, – пояснил женский голос.

– Метатель молота, – уточнил ДРУГОЙ участливый женский голос из темноты.

– Да, тьфу, все время забываю биографию твоего мужа. Молота!

Генка почему-то молчал, однако меня ответ не удовлетворил.

– А почему они там лежат? – опять полюбопытствовал я.

– Потому что спят. А спят, потому что выпили. А выпили, потому что суббота. А на площадке, потому что по привычке.

– С ума сойти! – сказал я, поражаясь красоте этой совершенной логической конструкции.

– Добро пожаловать в бар «Ни-Ни»!

– Бар? – переспросил я, удивленный до невозможности. – Здесь что, наливают? Кто вы? Как вас зовут? И вообще, сколько Вас?

– Слишком много вопросов, – произнес ДРУГОЙ женский голос, мягкий, но еще более настойчивый. – Ну почему мужчины всегда предпочитают задавать вопросы, вместо того чтобы просто делать дело, например, взять в руку фужер. Держите. Меня зовут Никто! А мою подругу – Никак.

И она передала мне два тяжелых бокала. Один из них я, нащупав чьи-то пальцы, отдал Геннадию.

Вместе с выпивкой к нему перешла и инициатива.

– Ну, вздрогнули, – в кромешной тьме произнес он гундосым баском церковного дьячка. – За встречу!

Мы опорожнили хрусталь. В нем было превосходное виски

Благословенное тепло разлилось по венам и артериям наших продрогших тел. Несмотря на мрак, мир вокруг сразу стал выглядеть заметно лучше.

Генка решил поддержать разговор.

– Моя фамилия Спагетти, – продолжил он. – А этот темный друг мой – Бульба. Вы – богатая выпивка, мы – бедная закуска. У нас нет денег, и боюсь, мы не сможем с вами расплатиться.

– Зачем нам Ваши деньги, господин Спагетти? – игриво возмутилась Никто. – В нашем баре расплачиваются интересными историями. О том, например, почему такие хорошие парни, к тому же, судя по фамилиям, иностранцы(!), бродят вечером без девушек в одиночестве?

– Откуда вам известно, что мы хорошие?

– Это же так банально, – вздохнула Никто. – За вами гнались плохие собаки.

– Ну и что?

– Хорошие девочки гонятся за плохими мальчиками, хорошие мальчики за плохими девочками, плохие девочки за хорошими мальчиками. Раз за вами гнались плохие собаки, значит вы хорошие! – выпалила на одном дыхании моя невидимая собеседница.

Против женской логики всегда трудно возражать. И я не стал.

– Мы поспорили с... неважно. В общем, поспорили и идем по делу. Только вперед.

Тут я запнулся, потому что афишировать события личной жизни друга не хотелось, а иные интересные истории никак не приходили на ум. Ситуацию спас Геннадий.

– Историю интересную, говорите, – хмыкнул Генка. – Да пожалуйста! На Галапагосских островах (это множество крошечных кусочков суши, целый архипелаг, затерянный в бескрайних просторах океана) среди кокосовых пальм и бамбуковых рощ живут сумчатые землеройки. Маленькие серые зверьки, похожие на мышей – воодушевленно начал он. – Хищников там нет, насекомых, зерна и фруктов в избытке, и землеройки отлично размножаются.

На этой фразе наши собеседницы прыснули смешком, но Генка уверенно продолжал.

– Острова те низкие и болотистые, некоторые в сезон дождей полностью заливаются водой. И что же придумали землеройки, чтобы спастись? Не поверите! – торжественно заключил Геннадий. – Они роют ход на соседний остров! Иногда несколько километров под дном океана, благо акватория прибрежная и глубина небольшая. И, когда вода начинает заливать их дом, они по туннелю смываются к соседям. Но на другом острове полно своих, местных землероек. И, чтобы их приняли на временный постой, наши землеройки несут с собой кучу еды, угощая хозяев. Потому и говорю я Вам, девчонки, про закуску, что даже мыши австралийские ходят в гости с подарками, а мы с Андрюхой, увы, угостить ничем не можем, и совесть терзает нас невыносимо, – закончил он пафосно свою длинную тираду.

История девицам понравилась, и нам, заслуженно, налили по второй. Вот и говорите после этого о бесполезности посещения библиотек. Время неумолимо бежало, и наконец пришла пора оставить и этот гостеприимный приют. Вволю поговорив и согревшись, в прекрасном настроении собрались мы в путь, но невидимые нимфы сделали попытку продлить вечеринку в темноте:

– Может, вам не надо до начала Московского? Может, достаточно до начала улицы Глеба Успенского? Тут рядом, за углом поворачиваете налево, сто метров и... ага, тупик. Потом возвращайтесь, еще поболтаем.

– Предложение заманчивое, да и Успенского знаю, вроде бы именно он про Простоквашино написал, – сказал я, немного попутав фамилии. – Кот мне там очень нравится, полосатый. Матроскин зовут. Но нам не надо налево, нам не надо в тупик, да, Генри?

– Да, – сказал он мрачно, – нам надо дойти. И нельзя возвращаться.

Так мы и не увидели лиц своих собеседниц, хозяек бара «Ни-Ни». Встретим на улице – не узнаем. Обидно.

Глава Триумфальная

Мы шли по трамвайным путям к величественному сооружению цвета морской волны, которое мой когда-то отягощенный двумя курсами архитектурно-строительного университета мозг описал бы как арку, состоящую из шести пар дорических колонн, увенчанных высоким аттиком с вязью из золотых букв, и, конечно, какими-то загадочными фигурами на фризе.

– Ну, а это горгульи? – с надеждой спросил Генка.

Я опять его разочаровал.

– Это тридцать гениев победы, выполненных в аллегорическом образе крылатых дев.

– Блин, – расстроился Геннадий. – Дрон, увидишь горгулью, скажи мне!

– Хорошо, – пообещал я, твердо зная, что до конца Московского проспекта не встречу ни одной, а там – как повезёт.

И, довольный, я огляделся.

Окружающая обстановка была достойна пера Тита Ливия. Слева, за столиками стеклянного кафе, пили пенный ячменный напиток приехавшие на завтрашнюю битву фанаты столичного гладиатора Спартака. Длинноногие томные матроны в коротких туниках, рискуя подмерзнуть, направлялись от метро к ночному клубу «Папанин». Патриции – иностранцы восхищенно глядели на них с верхних этажей только что выстроенного отеля «Холидей Инн», легкий запах штукатурки, извести и краски от которого еще не выветрился. А патриции местные, по привычке ни на кого не глядя, в сопровождении верховых центурионов с проблесковыми маячками, поворачивая с Лиговского, на породистых черных немецких кобылках неслись по крайней свободной полосе, спеша в аэропорт.

– Андруха, я пешком дошел до Московских ворот, мы одолели уже две трети пути! – восторженно произнес мой приятель. – Сам в это не могу поверить!

– Может, пройдешь через них, через ворота? Ты заслужил этот триумф. Честно говоря, не надеялся дойти с тобой пешком так далеко.

– А ты?

– А я пока не заработал.

– Ага, только спас мою никчемную жизнь, – беззлобно ухмыльнулся Генка, соглашаясь по сути с моим предложением.

– Подожди, Генри, – сказал я. – Такой момент! Надо, чтобы ты выглядел достойно, и история запечатлела тебя в самой себе.

И я нарвал прошлогодней соломы, торчавшей повсюду из клумб вокруг, и, скомкав ее как попало, водрузил на голову приятеля, а затем отошел шагов на тридцать, чтобы узреть всю картину целиком.

Пейзаж оказался прекрасен. Бодро чеканя строевой шаг, маршировали за предводителем суровые призрачные легионы. За ними невидимые лошади тянули незримые повозки с богатыми трофеями. По правой стороне, рядом с остроугольным домом № 110, новобранцы у Московского райвоенкомата завидовали нам и рвались в бой. Их глаза горели то ли жадной добычи, то ли желанием выспаться. Небо тоже было на нашей стороне. Тучи впереди неожиданно расступились. Золоченый шпиль Адмиралтейства, вдруг отчетливо проявившийся в голубой и розовой дали, поймал отблеск последних лучей заходящего солнца и, словно прожектор из лазерного шоу на арене Колизея, высветил величавую фигуру моего героя. И казалось, будто сквозь вытянутую дыру в высоких, но плотных облаках, любопытствуя, глядели на нас загадочные римские боги. Марс, окидывая взглядом дистанцию пройденного марш-броска, одобритительно кивал головой. Бахус, непонятно почему, веселился и хлопал в ладоши. Меркурий, видимо зная содержимое наших карманов, сочувственно цокал языком, а по щеке Венеры стекала нескучная женская слеза.

Завоеватель Галлии и главный фотограф загса № 4, покоритель Дакии и родительской дачи в Вырице, хозяин Фригии и оранжевого «Форестера», властелин Египта и друг Сфинкса с набережной Невы, в лавровом венке из засохших настурций и пионов торжественно, с гордо поднятой головой, вступал Гай Юлий Генрих в Московскую Триумфальную арку.

Глава 85

На Петербург опускалась ночь. Не торопясь, плавно и постепенно, темной непрозрачной шалью, украшенной лишь редким бисером самых ярких звезд, накрыла она величественный город с головой – с маковками его воздушных храмов и церквей, с золотыми иглами стремительных шпилей, с гранитными колоннами, атлантами, грифонами и львами, мостами, корабликами и кораблями. И нас с Генкой она накрыла тоже. Это было сногшибательно красиво, как всегда, но это не принесло нам тепла.

Поэтому мы запрыгнули на подножку транспорта, медленно ползущего по середине проспекта. И, отогнув легко подавшуюся дверцу, тайком пробрались внутрь. Вагончик, приютивший нас, оказался трамваем технической службы. Древнего образца, со смешными маленькими рогами, допотопными окнами без форточек, зато внутри было тепло, а сиденья были не жесткие и пластиковые, как обычно теперь, а мягкие, покрытые старым, потрескавшимся от времени дерматином.

Водитель ничего и никого не заметил. Буквально через несколько секунд, остановив состав, он вышел наружу с монтировкой, перевел стрелку, потом вернулся на свое место и включил погромче приемник. Так, звеня рельсами, под звуки Государственного гимна свернули мы с проспекта и вкатились через чернеющий проем раскрытых металлических ворот в трамвайный парк, обширное распараллеленное пространство за толстой желтой стеной.

Вожатый окончательно остановил вагон, погасил внутреннее освещение, и, закрыв кабину на ключ, быстро выскочил из захлопнувшейся за ним передней пассажирской двери. Несколько минут, для надежности, мы подождали, а потом подняли головы с лавок. Никого. Вокруг – стены трамвайного парка и десятки других составов. Тишина. Можно переночевать в тепле, а утром, когда встанет неутомимый дворник-солнце, сметая прочь стужу, отправиться по расчищенной от холодов дороге дальше.

Но нашим планам комфортно поспать не суждено было сбыться так скоро, как мы того желали. Примерно через минуту после того, как мы удобно расположились на ночлег, раздался громкий клацающий звук, сопровождаемый шипением и быстрым топотом. На всякий случай я открыл глаза.

– Что это, Генри? Может... – шепотом начал было я, но закончить фразу не успел.

Огромная фигура заслонила собой все, и хриплый мужской голос угрожающе произнес: «Так, так, так. Ага. Кажись, зайцы на корабле!». И вверх над рядами сидений, ставшими на время нашими лежаками, поднялось что-то большое и угрожающе темное.

– Вы кто, капитан Джек Воробей? – спросил Гай Юлий Генрих, не теряя собственного достоинства.

– А как вы узнали? – Мужик от неожиданности опустил дубину. – Капитан. Да. Милиции. В отставке. А теперь – старший трамвайный сторож. Только никакой я не Жека вовсе. Михалыч меня зовут. А фамилия – Марчук.

Он осветил фонариком, осматривая нас, а потом спросил:

– А вы-то кто такие будете? На бомжей не похожи.

В этот момент пятно яркого света скользнуло по спине Геннадия и замерло на буквах.

– Спа-гет-ти, – прочитал он по складам. – А, так вы футбольные фанаты, что ли? Так игра вроде завтра.

– Да, да, да, – обрадовался я и резво подтвердил. – Мы футбольные фанаты. Просто мы заранее приехали. Из другого города.

– Южного города, – грустно вздохнул Генка, стремясь вызвать сострадание. – Денег на гостиницу нет, так планировали ночью погулять. Но погоду не рассчитали. И очень замерзли.

– Еще бы, – сказал Марчук. – В Петербурге погода обманчива и переменчива, как отношение женщины к мужчине. С утра тепло может быть, как сегодня, а после обеда – натуральная холодрыга. У меня, вон, две фуфайки. И то мерзну. Но одной могу поделиться – потому, что глядя на вас вообще околеть можно, особенно вот на тебя, – сказал он, указывая рукой на Генку. – Додумался, в апреле в Питер в одной футболке прилететь! Хорошо, штаны надел, – хмыкнул он, радуясь сам своей шутке.

Мы решили не признаваться, что штаны куплены вчера. На всякий случай.

– Пригласил бы вас в бытовку, – сказал Марчук. – Но место там одно. А мне, как настоящему сторожу, без сна нельзя. Когда-то руководил ими, сторожами. Был начальником, но специфику работы не понимал. А теперь сам вот с дубиной бегаю и храпака даю. Ночуйте здесь, парк теплый, за ночь не остывает. А ты, балбес Спагетти, держи!

За фуфайку Генка не обиделся бы, даже если бы его Остолоповым назвали. Прав был великий психолог, старина и душка по фамилии Маслоу, материальные потребности важнее духовных. Война – ерунда, главное – маневры.

Марчук сказал, что предупредит утреннюю смену о нашем присутствии, пожелал спокойной ночи и ушел.

– Хороший мужик, – сказал Генка глухим голосом откуда-то из глубины фуфайки. – Побольше бы таких, и мир стал бы несравненно лучше.

– Клонировать когда-нибудь, – зевая ответил я и мгновенно уснул. Путешествие настолько измотало меня, что спал очень крепко и видел только один сон, зато приятный.

Мне снились овечки Долли в ушанках и валенках, танцующие фламенко.

А потом пришло утро, нежно побарабанив по стеклу рукой.

– Вставайте, хлопчики. Вылезайте. Полчаса у вас, а то мне ремонтников везти пора, да и начальство скоро явится.

– Кто это? Марчук? – спросил у меня Генка, отказываясь высовывать голову из-под фуфайки.

– Нет, какая-то симпатичная девица в окно стучится, – сказал я, жмурясь от ярких солнечных лучей и пытаясь сфокусировать взгляд.

– Ой, на Вас фуфайка Марчука, Вы его сын? – спросила гостя, вбежав по ступенькам в салон.

– Нет, но я многим, очень многим ему обязан, – сказал Генка, поднимаясь с лавки, потягиваясь и внимательно рассматривая себя. А потом пристально посмотрел на красавицу.

Светлая высокая девушка с большими, аккуратно подведенными тушью глазами, тонкой талией, длинными ногами манекенщицы в коротком сером платье до колен. В апельсиновом жилете вагонновожатого и с умным, выразительным взглядом.

Генка выпрямился, приосанился, его лицо приобрело породистое выражение. Был похож на диковатого крестьянина, а стал совсем как галантный французский офицер, правда, судя по одежде, отступающий с армией из Москвы.

– Извините, что я в этой старой засаленной телогрейке, мадам, – учтиво сказал Генри, так грациозно сходя со ступеней трамвайной площадки, словно слезал с коня. – Мы с другом путешественники, и случайно попали в этот город ранней весной, одетые не по сезону.

Глава 79 А

Помахав рукой звенящему трамваю, мы с Генкой продолжили свой тернистый путь. На часах ровно восемь, но в воскресный день город пробуждается поздно: людей на тротуарах, как и машин на проезжей части, почти не было. Воздух, прохладный и невесомый, казалось, удивительно чист, идти было легко, асфальт под ногами словно пружинил. Высокие раскидистые деревья посреди проспекта, наверное липы, делали его в этой части похожим на бульвар.

Справа, за бетонным строительным забором, красовались золотые маковки церквей женского монастыря (шла реставрация), но я решил обратить внимание на другое.

– Смотри, Ген, – сказал я, – показывая рукой вперед и чуть левее. – Вон там я тружусь. – Премиум-салон автомобилей «Порше».

– Да?!? – удивился Гена. – И ко сколько тебе на работу?

– Сегодня – ни ко сколько, а вообще к десяти часам. Я в отпуске сейчас. Три недели отгулял, еще одна осталась.

– Ой, а чего там вывеску снимают?

– Где???

– Над твоим магазином.

– Как это???

Моему удивлению не было предела, но Генка оказался прав. У центрального входа в шоу-рум, расположенный на первом этаже стильного здания сталинской застройки, облицованного по фасаду темным гранитом, стоял тархтящий грузовичок с длинной выдвижной стрелой, и на ее конце двое рабочих, высываясь из желтой решетчатой будки, демонтировали бордово-белые буквы вывески, громко комментируя происходящее на народном красноречивом языке.

– Что происходит, Андрюха? – спросил сочувственно Генри. – Вижу, для тебя это сюрприз.

– Да уж, сейчас разберемся, – сказал я, и мы направились туда. Работа мне нравилась, это было лучшее из всех мест, на которых пришлось трудиться за последние несколько лет, и терять его не хотелось. Продавать автомобили состоятельным клиентам было престижно и выгодно. Интересные люди, прекрасные машины, за которые испытываешь только чувство гордости. Тест-драйвы по Московскому проспекту. Как правило, до площади Победы и обратно. Днем, когда почти нет пробок, это максимум полчаса. И есть в тест-драйвах особая изюминка: если клиент сомневается, не говори ему ничего о характеристиках автомобиля, рассказывай о том, что видишь. Памятники и фонтаны, кафе и рестораны, слухи и анекдоты. Не знаю почему, но на неуверенного клиента это действовало, как взгляд удава на кроликов. И я каждый месяц продавал стабильно больше остальных.

Директором салона и, следовательно, моим боссом был натуральный немец, выписанный в Россию из окрестностей Штутгарта. Мы обращались к нему «герр Штиглиц». Герр неплохо говорил по-русски, и проблем с коммуникацией не возникало. Внешне он тоже походил на немца: всегда в деловом костюме, белой рубашке, дорогим галстуке и начищенной до блеска обуви. Пунктуален, как бухгалтер, большой зануда, но дело свое и автомобили знал отлично, главное, был чрезвычайно справедливым человеком, поблажек не давал ни себе, ни другим.

Вот и сейчас он стоял на небольшой парковке перед входом, положив руку на капот белого «Бокстера», стильного дорогого кабриолета (автомобиля с открытой крышей), и что-то сосредоточенно рассказывал нескольким людям, в коих я признал двух его замов, также пару старших сотрудников из другого магазина. Шеф заметил меня, развернулся и обратился первым:

– А... Андрэй. В отпуске, но пришли помочь? – спросил герр Штиглиц. —Молодец. Хвалю за ответственность. Но сами справимся.

Видя мое недоумение, он добавил:

– Не хотели раньше времени сообщать персоналу – бизнес развивается, переезжаем на большие площади, правда, в другой район. Садитесь, подвезу, – сказал босс, глядя на промасленную, песочного цвета, стеганую Генкину фуфайку. Национальный колорит и ветхость одежды моего друга не ускользнули от его цепкого взгляда.

– Вам, наверное, в кино, на съемки? – пошутил он.

– Мы пешком, – уклонился я от прямого ответа на вопрос. – Но, если позволите, можем ненадолго влиться в состав вашей колонны.

– Конечно! Тогда, Андрэй, Вы берите флаг и идите впереди. Проводите нас чуть-чуть, до Обводного, где нам надо свернуть, организуем маленький парад.

И он подал мне длинный алюминиевый флагшток с белым полотнищем на конце. Почти копье. Я невольно почувствовал себя Дон Кихотом, тем более что соответствующий по телосложению другому литературному персонажу Генка Панса стоял рядом.

– Мне бы еще щит, – сказал я Штиглицу, указывая на большой металлический герб «Порше», действительно похожий на щит, в центре которого гарцевала маленькая черная лошадка. Обычно герб висел в его кабинете, на стене над креслом, а сегодня лежал на заднем сиденье авто.

– Держи. И тронулись! – крикнул босс.

Сотрудники уселись по машинам, мы с Генкой вышли вперед, и наша процессия стартовала.

Возглавлял ее высокий рыцарь с древком и флагом в одной руке и стальным щитом-гербом в другой в компании верного оруженосца. За ними тянулась процессия из шести автомобилей. В первом ряду на роскошном синем суперкаре «Каррера GT» ехал герр Штиглиц. Далее двигались два красавца 911-х: слева – красный, справа – желтый. И в последнем ряду по краям —внедорожники «Кайенны», черной и коричневой боевой раскраски, а между ними – белый «Бокстер».

Московский проспект в этом месте весьма широк, мы заняли три полосы из существующих в каждую сторону четырех, и обгоняющие нас водители, все как один, притормаживали и иногда приветственно гудели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.